Дата поступления рукописи в редакцию: 10.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 09.11.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-7550-2026-3-50-57

ЭРИАШВИЛИ Нодари Дарчоевич,
кандидат юридических наук, кандидат исторических наук,
доктор экономических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ,
лауреат премии Правительства РФ в области образования, профессор кафедры
гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя; профессор кафедры частного права
Государственного университета управления,
e-mail: professor60@mail.ru

ПРЕДЕЛЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье исследуется становление алгоритмического государства как новой стадии цифровой трансформации публичной власти. Автор исходит из того, что цифровизация уже не ограничивается электронными услугами и межведомственным документооборотом, а затрагивает базовые категории теории государства и права: государственный механизм, публичную власть, легитимность, правовое государство, юридическую ответственность, правоприменение и взаимодействие государства с гражданским обществом. Предлагается разграничивать электронное, цифровое и алгоритмическое государство. Доказывается, что алгоритм может быть только инструментом правового государства, но не самостоятельным источником публично-властного решения. Сформулированы принципы правового сдерживания алгоритмического управления: нормативная определенность, человеческий контроль, объяснимость, проверяемость, ответственность публичного субъекта, недискриминация, судебная оспоримость и гражданско-общественный мониторинг.

Ключевые слова: теория государства и права, алгоритмическое государство, цифровое государство, публичная власть, правовое государство, гражданское общество, искусственный интеллект.

ERIASHVILI Nodari Darchoevich,
Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Doctor of Economics, Professor,
Honorary Worker of Education of the Russian Federation, laureate of the Government
of the Russian Federation in the field of education, Professor of the
Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the V.Ya. Kikot Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Professor of the Department of Private Law
of the State University of Management

THE LIMITS OF DIGITALIZATION OF PUBLIC AUTHORITY: A THEORETICAL LEGAL ANALYSIS

Annotation. The article examines the emergence of the algorithmic state as a new stage in the digital transformation of public authority. It is argued that digitalization affects the fundamental categories of general theory of state and law: the mechanism of the state, legitimacy, rule of law, legal responsibility and interaction between the state and civil society. The article distinguishes between the electronic, digital and algorithmic state and concludes that an algorithm may serve as an instrument of the rule-of-law state, but cannot become an autonomous source of public power.

Key words: theory of state and law, algorithmic state, digital state, public authority, rule of law, civil society.

Теория государства и права традиционно рассматривает государство как особую политико-правовую организацию публичной власти, обладающую суверенитетом, территорией, аппаратом управления, системой общеобязательных норм и способностью обеспечивать их реализацию. В такой классической конструкции центральными являются вопросы происхождения государства, его функций, формы, механизма, легитимности, правовой связанности власти и соотношения государства с личностью и обществом. Однако в XXI в. эта категориальная система сталкивается с новым вызовом: публичная власть все чаще осуществляется не только через

волю должностного лица и юридическую процедуру, но и через цифровые платформы, реестры, базы данных, риск-модели, автоматизированные информационные системы и инструменты искусственного интеллекта. [1-2]

Важно понимать, что цифровизация государства перестала быть вспомогательной технической реформой. Если электронное государство прежде всего ускоряло коммуникацию гражданина с органом власти, то алгоритмическое государство претендует на участие в самой логике публично-властного решения: оно помогает выявлять риски, классифицировать поведение, определять приоритеты контроля, рассчитывать меры поддержки, формировать проекты актов и иногда фактически предопределять итоговое решение. Поэтому перед теорией государства и права возникает принципиальный вопрос: сохраняется ли прежнее понимание государства как юридически ответственного субъекта публичной власти, если значительная часть управленческой рациональности переносится в алгоритмы?

Российская правовая система уже содержит нормативные предпосылки для постановки данного вопроса. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. закрепляет курс на развитие и применение технологий искусственного интеллекта; законодательство об экспериментальных правовых режимах создает формы апробации цифровых инноваций; концептуальные акты в сфере регулирования искусственного интеллекта и робототехники рассматривают цифровые технологии как управленческий и экономико-правовой ресурс. [3-5] Эти процессы требуют не только отраслевого, но и общетеоретического осмысления.

Особое значение имеет связь цифровой трансформации публичной власти с проблемой гражданского общества. Л.Ю. Грудцына последовательно обосновывала, что гражданское общество нельзя понимать как полностью внешнюю по отношению к государству сферу: его институты существуют в сложной системе публично-правовых и частноправовых связей, нуждаются в гарантиях, организационных условиях и формах взаимодействия с публичной властью. [6] Для теории алгоритмического государства этот тезис имеет методологическое значение: чем выше степень автоматизации управления, тем более необходимы общественный контроль, адвокатская защита, научная экспертиза и судебная проверка. [7]

В современной теории государства и права целесообразно различать три уровня цифровой трансформации публичной власти: электронное государство, цифровое государство и алгоритмическое государство. Электронное государство - это модель, в которой информационные технологии используются преимущественно как канал коммуникации: заявление подается дистанционно, документы направляются в электронной форме, результат услуги предоставляется через портал или личный кабинет. Сущность властного решения при этом может оставаться традиционной.

Цифровое государство является более сложной стадией. Оно предполагает интеграцию государственных данных, межведомственный обмен, платформизацию управления, создание реестров и информационных систем, переход от ведомственной логики к логике жизненных ситуаций гражданина. На этом уровне данные становятся самостоятельным ресурсом публичной власти. Государство начинает видеть общество через цифровые следы, показатели, профили и массивы информации. [8]

Алгоритмическое государство возникает тогда, когда цифровая инфраструктура начинает не только хранить и передавать сведения, но и участвовать в их оценке, классификации, прогнозировании и управленческом выборе. Алгоритм становится посредником между фактом и решением: он может рекомендовать меру реагирования, выявлять риск, рассчитывать вероятность нарушения, формировать проект акта или распределять государственный ресурс. Именно здесь появляется качественно новая проблема: юридически решение остается актом органа власти, но его фактическая логика частично создается машинной системой. Данное разграничение важно потому, что юридические риски разных стадий цифровизации различны. Электронная подача заявления требует надежной идентификации и защиты персональных данных. Цифровая интеграция реестров требует достоверности данных и правил межведомственного обмена. Алгоритмическое решение требует уже иных гарантий: объяснимости, проверяемости, сохранения человеческого контроля, недискриминации, возможности судебного оспаривания логики расчета и перераспределения бремени доказывания. Л.Ю. Грудцына в исследовании государственно-правового механизма формирования и поддержки институтов гражданского общества показала, что развитие гражданского общества зависит не только от саморегуляции социальных институтов, но и от правовых, организационных и материальных условий, создаваемых государством. [9] В цифровую эпоху этот тезис получает дополнительное значение: государство должно создавать не только цифровую инфраструктуру управления, но и инфраструктуру общественного контроля за ней. [10]

Механизм государства в классическом понимании включает органы, учреждения, должностных лиц, компетенцию, процедуры, материальные средства и формы деятельности. В цифровой среде к этим элементам фактически добавляется инфраструктурный компонент: государственные информационные системы, платформы, реестры, программные интерфейсы, алгоритмические модели и системы идентификации. Юридически они не обладают статусом органа власти, но функционально участвуют в осуществлении пу-

бличной власти. Это обстоятельство требует расширения традиционного представления о государственном механизме.

Следует различать три режима использования алгоритмов в публичном управлении. Первый - информационно-справочный, когда система лишь помогает искать сведения и проверять формальные условия. Второй - рекомендательный, когда алгоритм предлагает вариант решения, но должностное лицо сохраняет реальную возможность отклонить рекомендацию и мотивировать иной итог. Третий - детерминирующий, когда алгоритм фактически определяет юридический результат, а человек только формально подтверждает его. Именно третий режим наиболее опасен, поскольку создает иллюзию человеческого контроля при фактическом переносе властного усмотрения в техническую систему.

Теория государства и права должна исходить из презумпции ответственности публичного субъекта за любой алгоритмически подготовленный результат. Орган власти не вправе ссылаться на алгоритм как на самостоятельную причину решения. Алгоритм не может быть «третьим субъектом» между государством и гражданином, освобождающим государство от обязанности объяснить, доказать и обосновать вмешательство в права. Если решение принято с использованием цифровой модели, именно орган публичной власти должен доказать законность данных, правомерность модели, соответствие результата целям закона и возможность его проверки.

В исследованиях Л.Ю. Грудцыной институты гражданского общества рассматриваются как участники баланса публичного и частного начал, а не как декоративное приложение к государству. [11] В условиях цифровизации эта идея приобретает новый смысл: общественные объединения, адвокатура, нотариат, научные и экспертные сообщества могут выполнять функцию внешнего контроля за тем, чтобы цифровая инфраструктура не превратилась в автономный центр публичной власти.

Правовое государство предполагает верховенство права, связанность публичной власти законом, судебную защиту, признание и гарантирование прав человека, юридическую определенность, пропорциональность и запрет произвола. Алгоритмическое управление может быть совместимо с этими принципами только при условии, что алгоритм включается в правовую форму, а не заменяет ее. Машинная рациональность отличается от юридической: алгоритм оптимизирует заданные параметры, а право оценивает легитимность цели, допустимость средства, справедливость процедуры и защиту достоинства личности.

Опасность алгоритмического государства заключается в соблазне подменить юридическое рассуждение статистическим выводом. Если модель показывает высокий риск нарушения, это еще не означает наличия юридического факта. Если система относит гражданина к группе риска, это не означает виновности. Если автоматизированная проверка выявляет несоответствие данных, это не всегда свидетельствует о недобросовестности. Право работает с доказательствами, презумпциями, бременем доказывания, мотивировкой и возможностью опровержения; алгоритм работает с корреляциями, вероятностями и технически заданными критериями.

Следовательно, алгоритмическая рациональность должна быть подчинена юридической рациональности. Это означает, что применение алгоритма допустимо лишь при наличии нормативного основания, в пределах компетенции органа, с легитимной целью, при сохранении человеческого контроля, возможности объяснения результата и индивидуального рассмотрения дела. Правовое государство не может согласиться с ситуацией, когда гражданин проигрывает спор потому, что «так рассчитала система», а суд и орган власти не способны проверить основания такого расчета.

Особенно важна проблема мотивированности. Традиционное мотивированное решение содержит установленные факты, примененные нормы, аргументы правовой квалификации и вывод. В алгоритмической среде мотивировка не может быть сведена к сообщению о результате автоматизированной обработки. Она должна объяснять, какие данные использованы, почему они признаны достоверными, какие критерии применены, как обеспечивалась возможность исправления ошибки, каким образом человек проверил результат и почему было принято именно такое решение. Л.Ю. Грудцына в работах о гражданском обществе и государстве подчеркивала значение правовых форм взаимодействия общества и власти. [12] Для алгоритмического государства это означает, что критерии цифровых решений не могут формироваться исключительно внутри исполнительной бюрократии или технологического подрядчика. Там, где алгоритм затрагивает социальные права, контроль, налогообложение, доступ к публичным услугам или юридическую помощь, требуется публичная экспертиза с участием профессиональных сообществ.

Легитимность государственной власти связана с признанием ее обществом, процедурной законностью, ценностной приемлемостью и способностью обеспечивать справедливый порядок. Алгоритмическое управление добавляет к этой конструкции новый элемент: доверие к публичной власти начинает зависеть не только от законности органа и содержания решения, но и от доверия к цифровой инфраструктуре. Если гражданин не понимает, как система получила данные и почему сделала определенный вывод, уровень доверия снижается даже при формальной законности процедуры.

Можно выделить три измерения легитимности алгоритмического управления. Нормативная

легитимность означает наличие правового основания для применения алгоритма. Процедурная легитимность предполагает соблюдение правил доступа к данным, уведомления, проверки, оспаривания и человеческого контроля. Эпистемическая легитимность связана с качеством знания, которое производит алгоритм: достоверностью данных, корректностью модели, отсутствием дискриминационных перекосов и пригодностью статистического вывода для конкретной юридической задачи.

Последний аспект особенно значим. В традиционном правоприменении вопрос знания выражается через доказательства и оценку фактов. В алгоритмической системе знание производится моделью, которая может включать ошибки исходных данных, исторические предубеждения, неполные выборки и неявные корреляции. Поэтому легитимность алгоритмического решения невозможна без технико-правовой экспертизы, аудита, оценки воздействия на права человека и публичной отчетности. [13]

Алгоритмическое управление меняет и проблему суверенитета. Если критически значимые государственные функции зависят от внешних платформ, закрытых программных решений, иностранных компонентов или непрозрачных моделей, возникает вопрос цифрового суверенитета. Но цифровой суверенитет не должен пониматься только как технологическая независимость. В теоретико-правовом смысле он означает способность государства самостоятельно определять правовые условия использования цифровых систем, контролировать публично значимые данные и гарантировать защиту прав личности в цифровой среде.

В работах Л.Ю. Грудцыной о политических партиях, гражданском обществе и государстве раскрыта роль общественных институтов как посредников между публичной властью и обществом. [14] В алгоритмическую эпоху такая посредническая функция усложняется: гражданское общество должно переводить технологически сложные вопросы цифрового управления на язык публичного контроля и правовой ответственности.

Административное усмотрение является неизбежным элементом публичного управления. Закон не способен заранее описать все жизненные ситуации, поэтому должностное лицо в пределах компетенции оценивает обстоятельства, выбирает меру реагирования и учитывает публичный интерес. Алгоритмизация меняет форму усмотрения: часть оценочных операций переводится в заранее заданные параметры, а часть решений становится результатом автоматизированной классификации.

На первый взгляд это снижает субъективизм и коррупционные риски. Однако полное устранение человеческого усмотрения не всегда соответствует праву. Право нуждается не только в формальной одинаковости, но и в справедливом различении различных ситуаций. Механическое равенство может оказаться несправедливым, если оно игнорирует значимые индивидуальные обстоятельства. Поэтому задача правового государства состоит не в ликвидации усмотрения, а в его правовом структурировании.

Алгоритмическое усмотрение опасно тем, что выглядит объективным: оно выражено в баллах, рейтингах, категориях риска и числовых показателях. Но каждая модель содержит человеческие решения: какие данные учитывать, какие веса присвоить факторам, какую цель оптимизировать, какие ошибки считать допустимыми. Поэтому объективность алгоритма не является исходным свойством; она должна подтверждаться правовой и технической проверкой. [15]

В правоприменении следует различать алгоритмическую помощь и алгоритмическую подмену. Помощь допустима, когда система облегчает поиск информации и предупреждает о рисках, но не лишает должностное лицо обязанности самостоятельно оценить дело. Подмена возникает тогда, когда должностное лицо превращается в оператора подтверждения автоматически сформированного результата. Такая модель противоречит идее публичной службы как ответственного осуществления компетенции. [16]

Экспериментальные правовые режимы могут рассматриваться как форма правового обучения государства. Но эксперимент не должен превращаться в зону пониженных гарантий. Напротив, при апробации цифровых решений должны быть усилены требования к информированию участников, оценке рисков, независимому мониторингу, фиксации результатов и прекращению эксперимента при выявлении угроз правам граждан. [4] Л.Ю. Грудцына справедливо указывала, что государственно-правовой механизм поддержки гражданского общества включает не только нормы, но и организационные, материальные и институциональные элементы. [17] Применительно к цифровому управлению это означает необходимость реальной инфраструктуры гарантий: процедур обжалования, независимой экспертизы алгоритмов, публичных отчетов, адвокатской помощи и правозащитного сопровождения цифровых споров. [18]

Одна из наиболее острых проблем алгоритмического государства - ответственность за вред, причиненный автоматизированным или алгоритмически подготовленным публичным решением. В традиционной модели гражданин оспаривает акт, действие или бездействие органа власти. В цифровой модели причинная цепочка усложняется: ошибку может породить неверная исходная запись, сбой межведомственного обмена, некорректный алгоритм, неправильная настройка параметров, отсутствие обновления данных или формальное подтверждение результата должностным лицом.

Теоретически можно выделить несколько уровней ответственности: политико-правовую ответственность государства за выбор цифровой модели управления; административную ответственность органа за организацию процедуры; дисциплинарную ответственность должностного лица; гражданско-правовую ответственность за вред; ответственность оператора информационной системы; ответственность разработчика или поставщика цифрового решения; ответственность за нарушение режима персональных данных и информационной безопасности. Однако для гражданина это распределение не должно означать неопределенность адресата защиты.

Принцип «государство отвечает за свой алгоритм» должен стать базовым для теории алгоритмического управления. Если орган публичной власти внедряет цифровую систему, он принимает на себя обязанность обеспечить ее законность, безопасность, корректность и проверяемость. Нельзя перекладывать неблагоприятные последствия на гражданина под предлогом технического характера ошибки. Тем более недопустимо требовать от гражданина самостоятельного доказывания ошибочности закрытой модели, к данным и логике которой он не имеет доступа.

Проблема бремени доказывания в цифровых спорах требует специального решения. Если гражданин оспаривает алгоритмически подготовленный акт, орган власти должен раскрыть достаточный объем информации для проверки законности: источник данных, примененный критерий, нормативное основание, факт человеческой проверки и порядок исправления ошибки. Закрытость алгоритма по мотивам безопасности может ограничивать раскрытие кода, но не должна уничтожать право на защиту. В этом контексте возрастает значение адвокатуры и иных институтов квалифицированной юридической помощи. Л.Ю. Грудцына исследовала адвокатуру и нотариат как институты гражданского общества, обеспечивающие правовую защиту и взаимодействие личности с публичной властью. [19] В алгоритмическую эпоху эта роль усиливается: гражданину нужна помощь в понимании цифрового решения, запросе информации, назначении экспертизы, формулировании доводов и доказывании нарушения.

Одним из ключевых рисков алгоритмического государства является усиление бюрократии под видом нейтральной эффективности. Цифровая система может казаться объективной, но фактически она способна закреплять ведомственные интересы, расширять контроль, снижать пространство автономии и превращать сложную социальную реальность в набор управляемых показателей. Поэтому гражданское общество в цифровую эпоху должно рассматриваться как необходимый противовес алгоритмической бюрократии. [20]

Гражданское общество выполняет несколько функций в отношении алгоритмического государства. Во-первых, оно формулирует общественный запрос на пределы цифрового контроля. Не все, что технически возможно, должно быть юридически допустимо. Во-вторых, оно обеспечивает независимую экспертизу цифровых решений. В-третьих, оно выявляет системные ошибки, которые отдельный гражданин может не заметить или не суметь доказать. В-четвертых, оно переводит технологические проблемы в язык публичной политики и правовой реформы.

Теория государства и права должна отказаться от представления о цифровизации как внутренней компетенции исполнительной власти. Если алгоритм влияет на права и обязанности граждан, его внедрение должно быть предметом публичной правовой политики: парламентского контроля, научной экспертизы, профессионального обсуждения и общественного мониторинга. Иначе цифровизация может привести к формированию «невидимого административного права», где реальные правила взаимодействия государства и гражданина задаются не законом, а настройками информационной системы.

Например, Л.Ю. Грудцына обоснованно рассматривала гражданское общество как систему институтов, включающих общественные объединения, профессиональные юридические сообщества, политические партии, фонды, движения и иные формы социальной самоорганизации. [21] Такой широкий подход особенно важен для цифровой эпохи: контроль за алгоритмическим государством не может быть возложен только на один институт; он должен быть распределен между судом, адвокатурой, научным сообществом, общественными палатами, экспертными центрами и гражданскими инициативами. [22]

Пределы цифровизации публичной власти должны определяться не технической возможностью, а природой правового государства. Первый принцип - нормативная определенность алгоритмического вмешательства. Любое использование алгоритма, существенно влияющее на права или обязанности лица, должно иметь правовое основание. Внутреннего регламента или технического задания недостаточно, если результат затрагивает публично-правовой статус гражданина. [23]

Второй принцип - человеческий контроль. Властное решение, затрагивающее права человека, не должно полностью выводиться из-под ответственности человека. Контроль должен быть содержательным: должностное лицо обязано иметь возможность проверить данные, отклонить алгоритмическую рекомендацию, учесть индивидуальные обстоятельства и мотивировать решение. Формальное подтверждение результата не является человеческим контролем.

Третий принцип - объяснимость и проверяемость. Гражданин и суд должны иметь возможность понять юридически значимую логику решения. Объяснимость предполагает описание критериев, данных, нормативных оснований,

причин результата и способов исправления ошибки. Проверяемость требует журналирования решений, хранения версий алгоритма, протоколов обработки и экспертных процедур.

Четвертый принцип - презумпция ответственности публичного субъекта. Орган власти не вправе ссылаться на алгоритм как на самостоятельного виновника нарушения. Пятый принцип - недопустимость цифровой дискриминации. Формально нейтральный критерий может ухудшать положение определенных социальных групп, территорий или лиц с низким уровнем цифровой доступности. Шестой принцип - сохранение альтернативного канала взаимодействия с государством, поскольку цифровизация не должна превращаться в барьер доступа к праву. [24]

Седьмой принцип - гражданско-общественный мониторинг. Алгоритмически значимые системы должны быть открыты для научной, экспертной и общественной оценки в пределах, совместимых с безопасностью и защитой данных. С учетом работ Л.Ю. Грудцыной о государстве, гражданском обществе и механизмах их взаимодействия можно утверждать, что цифровая трансформация публичной власти требует не сужения, а расширения пространства институционального участия общества. [25]

Алгоритмическое государство представляет собой не самостоятельный исторический тип государства, а новую технологико-правовую форму осуществления публичной власти, при которой алгоритмические системы участвуют в оценке данных, прогнозировании, классификации и подготовке властных решений. Эта форма требует обновления категориального аппарата общей теории государства и права: наряду с традиционными понятиями механизма государства, функций, правоприменения и ответственности необходимо учитывать цифровую инфраструктуру, алгоритмическую процедуру, машиночитаемость права и распределенное цифровое решение.

Основными рисками алгоритмического государства являются непрозрачность, размывание ответственности, скрытое нормотворчество кода, цифровая дискриминация, технократическое сужение административного усмотрения и ослабление институтов гражданского общества. Эти риски не являются аргументом против цифровизации, но требуют ее правового сдерживания. Будущее государства не в замене права алгоритмом, а в создании такой модели цифровой публичной власти, при которой алгоритм остается инструментом закона, должностное лицо - ответственным субъектом решения, суд - реальным механизмом проверки, а гражданин - носителем достоинства, свободы и прав. [26]

Список литературы:

[1] Ромашов Р.А. Цифровое государство (digital state) - новый тип государства? // История государства и права. 2017. № 16. С. 3-8.

[2] Yeung K. Algorithmic Regulation: A Critical Interrogation // Regulation & Governance. 2018. Vol. 12. № 4. P. 505-523.

[3] Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/

[4] Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/

[5] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2129-р. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_360681/

[6] Грудцына Л.Ю. Гражданское общество и частное право // Международный академический журнал Российской академии естественных наук. 2013. № 4. С. 69-79.

[7] Грудцына Л. Ю. Прецедентное право в российской судебной практике // Судебная власть. 2026. № 1 (январь–март). С. 51–59.

[8] Булаков О. Н. Государственная защита прав и свобод как конституционный принцип прав и свобод // Образование и право. — 2026. — № 7. — С. 89–96.

[9] Грудцына Л.Ю. Государственно-правовой механизм формирования и поддержки институтов гражданского общества в России: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2009. 407 с.

[10] Гребенников В. В., Грудцына Л. Ю. Современные подходы к типологии правовых систем и роль судов в системе органов государственной власти // Образование и право. 2016. № 9. С. 23–31.

[11] Грудцына Л.Ю. Институты гражданского общества в системе частноправовых и публично-правовых отношений // Образование и право. 2014. № 3(55)-4(56). С. 88-97.

[12] Грудцына Л.Ю. Правовая природа и формы взаимодействия гражданского общества и государства // Законодательство и экономика. 2007. № 11. С. 23-30.

[13] Соломонова М.А. Проблемы обеспечения неприкосновенности жилища в уголовном судопроизводстве России // Юридическая наука и практика. 2025. № 4. С. 44–48.

[14] Грудцына Л.Ю. Политические партии, гражданское общество и государство // Законодательство и экономика. 2007. № 10. С. 5-13.

[15] Цичоева Ф.А. Особенности доступности правосудия для уязвимых групп населения // Российский научный вестник. 2025. № 1. С. 120–122.

[16] Лукьянов Д.В. Правоприменительная практика использования судебных экспертиз в налоговых спорах: комплексный анализ тенденций и проблем // Юридическая наука и практи-

ка. 2025. № 4. С. 72–76.

[17] Грудцына Л.Ю. Государственно-правовые механизмы формирования и поддержки институтов гражданского общества в России: монография / под ред. Н.А. Михалевой. М.: Манускрипт, 2008. 22 п.л.

[18] Османов М.М., Морозов Н.А., Досакаев А.Б. К вопросу о некоторых особенностях проверки и оценки показаний обвиняемого и подозреваемого в уголовном судопроизводстве // Российский научный вестник. 2025. № 1. С. 140–142.

[19] Грудцына Л.Ю. Адвокатура, нотариат и другие институты гражданского общества в России: монография / под ред. Н.А. Михалевой. М.: Деловой двор, 2008. 352 с.

[20] Жукова А.И. К вопросу о некоторых проблемах реализации института групповых исков в гражданском судопроизводстве // Российский научный вестник. 2025. № 1. С. 147–150.

[21] Грудцына Л.Ю. Содержание и классификация институтов гражданского общества в России // Современное право. 2007. № 12-1. С. 21-28.

[22] Изаксон Р.А. Постановления Пленума Верховного Суда: правовая природа и юридическая сила // Российский научный вестник. 2025. № 2. С. 150–153.

[23] Виноградова Е.В. Суд присяжных. Российский формат // Российский научный вестник. 2025. № 2. С. 19–22.

[24] Заиченко Я.И., Джура В.В. Интернет-ссылки и скриншот переписки как юридический факт и допустимое доказательство в условиях становления и развития цифровизации правосудия // Российский научный вестник. 2025. № 2. С. 144–149.

[25] Грудцына Л.Ю., Петров С.М. Государство и гражданское общество: монография. М.: ЮРКОМПАНИ, 2010. 233 с.

[26] Труфанова А.Ю., Балашов К.Г., Масуфранова Е.А. Роль Конституционного Суда в защите прав и свобод человека и гражданина: особенности судов в разных странах (на примере Российской Федерации, Соединенных Штатов Америки, Германии, Канады) // Российский научный вестник. 2025. № 2. С. 85–89.

References:

[1] Romashov R.A. The Digital State: A New Type of State? // History of State and Law. 2017. No. 16. pp. 3–8.

[2] Yeung K. Algorithmic Regulation: A Critical Interrogation // Regulation & Governance. 2018. Vol. 12. No. 4. pp. 505–523.

[3] Decree of the President of the Russian Federation No. 490 of October 10, 2019, «On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation.» // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/

[4] Federal Law No. 258-FZ of July 31, 2020, «On Experimental Legal Regimes in the Sphere of Digital Innovations in the Russian Federation.» // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/

[5] Directive of the Government of the Russian Federation No. 2129-r of August 19, 2020. // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_360681/

[6] Grudtsyna L.Yu. Civil Society and Private Law // International Academic Journal of the Russian Academy of Natural Sciences. 2013. No. 4. pp. 69–79.

[7] Grudtsyna L.Yu. Precedent-Based Law in Russian Judicial Practice // Judicial Power. 2026. No. 1 (January–March). pp. 51–59. [8] Bulakov O. N. State Protection of Rights and Freedoms as a Constitutional Principle // Education and Law. — 2026. — No. 7. — pp. 89–96.

[9] Grudtsyna L. Yu. The State-Legal Mechanism for the Formation and Support of Civil Society Institutions in Russia: Doctoral Dissertation in Law. Moscow, 2009. 407 p.

[10] Grebennikov V. V., Grudtsyna L. Yu. Modern Approaches to the Typology of Legal Systems and the Role of Courts within the System of State Authorities // Education and Law. 2016. No. 9. pp. 23–31.

[11] Grudtsyna L. Yu. Civil Society Institutions within the System of Private-Law and Public-Law Relations // Education and Law. 2014. No. 3(55)–4(56). pp. 88–97.

[12] Grudtsyna L. Yu. The Legal Nature and Forms of Interaction Between Civil Society and the State // Legislation and Economics. 2007. No. 11. pp. 23–30.

[13] Solomonova M. A. Issues Regarding the Guarantee of the Inviolability of the Home in Russian Criminal Proceedings // Legal Science and Practice. 2025. No. 4. pp. 44–48.

[14] Grudtsyna L. Yu. Political Parties, Civil Society, and the State // Legislation and Economics. 2007. No. 10. pp. 5–13.

[15] Tsichoyeva F. A. Specifics of Access to Justice for Vulnerable Population Groups // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 1. pp. 120–122.

[16] Lukyanov D.V. Law-enforcement practice regarding the use of forensic expert examinations in tax disputes: a comprehensive analysis of trends and issues // Legal Science and Practice. 2025. No. 4. pp. 72–76.

[17] Grudtsyna L.Yu. State-legal mechanisms for the formation and support of civil society institutions in Russia: a monograph / ed. by N.A. Mikhaleva. Moscow: Manuskript, 2008. 22 printer's sheets.

[18] Osmanov M.M., Morozov N.A., Dosakaev A.B. On certain aspects of verifying and evaluating the testimony of an accused or a suspect in criminal proceedings // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 1. pp. 140–142.

[19] Grudtsyna L.Yu. The Bar, the Notariat, and other civil society institutions in Russia: a monograph / ed. by N.A. Mikhaleva. Moscow: Delovoy Dvor,

2008. 352 p.

[20] Zhukova A.I. On certain issues regarding the implementation of the class action mechanism in civil proceedings // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 1. pp. 147–150.

[21] Grudtsyna L.Yu. Content and classification of civil society institutions in Russia // Modern Law. 2007. No. 12-1. pp. 21–28.

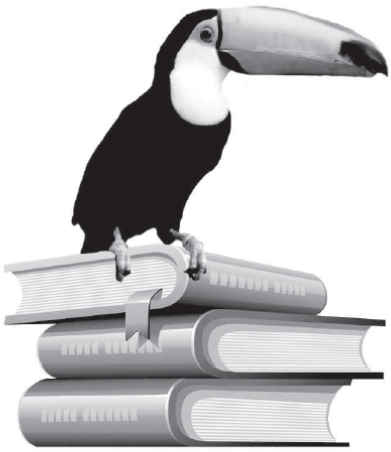
[22] Izakson R.A. Resolutions of the Plenum of the Supreme Court: Legal Nature and Legal Force // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 2. pp. 150–153.

[23] Vinogradova E.V. Trial by Jury: The Russian Format // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 2. pp. 19–22.

[24] Zaichenko Ya.I., Dzhura V.V. Internet Links and Screenshots of Correspondence as Legal Facts and Admissible Evidence in the Context of the Emergence and Development of the Digitalization of Justice // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 2. pp. 144–149.

[25] Grudtsyna L.Yu., Petrov S.M. The State and Civil Society: A Monograph. Moscow: YURKOMPANI, 2010. 233 p.

[26] Trufanova A.Yu., Balashov K.G., Masufranova E.A. The Role of the Constitutional Court in Protecting Human and Civil Rights and Freedoms: Specifics of Such Courts in Various Countries (Case Studies of the Russian Federation, the United States of America, Germany, and Canada) // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 2. pp. 85–89.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.